Шмуэль Н. Айзенштадт

КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ: КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, ИСТОРИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Shmuel N. Eisenstadt. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // International Social Science Journal, August 1992, v.44, no.133 (Historical Sociology: Debate on Methods), p.386–401.
© UNESCO, 1992
Перевод В.Л.Кальковой

I

В последние два десятилетия, после периода относительного забвения, возродились сравнительно-исторические социологические исследования. В них ставится ряд фундаментальных проблем макросоциологического анализа, в частности, о соотношении структуры и истории; социальной структуры, истории и человеческой деятельности; культуры и социальных структур. В них также поднимается вопрос о состоятельности концепций эволюционного развития, разработанных в большинстве классических исследований 50-х годов, посвященных проблемам модернизации.

Стержнем развернувшейся полемики стал вопрос о том, определяется ли человеческая деятельность и ход исторического развития «глубинными» принципами, будь то законы человеческого сознания (как полагают структуралисты), или же законы взаимодействия производительных сил и производственных отношений, обусловливающие способ производства (как утверждают марксисты). Если это так, то какую роль играют творческие силы человека? Является ли индивид автономным действующим субъектом? С этими проблемами тесно смыкается еще одна – существуют ли общие для всех человеческих обществ законы или модели изменения или разные общества и цивилизации следуют собственным путем?

Более поздние исследования соотношений человеческой деятельности и структуры, структуры и истории концентрировались на вопросе о том, что является ключевым для понимания природы социального взаимодействия и институциональных конструкций: фундаментальные структуры или договорной порядок (negotiated order).

Эта проблема возникла в ходе теоретических дискуссий в современной социологии, главным образом под влиянием школы структурно-функционального анализа. Речь шла о том, что ни институциональные формы, характерные для каждой социальной группы, ни среду, в которой происходит социальное взаимодействие, ни институциональную

структуру неправомерно интерпретировать как самодостаточные объекты. Постижение таких форм невозможно, если исходить из соматических потребностей или уровней структурной дифференциации. Следует изучить условия и процессы, в которых они возникают, функционируют, воспроизводятся и изменяются (Eisenstadt and Curelaru, 1976).

Дискуссии способствовали возникновению двух крупных теоретических направлений. В первом предпринималась попытка проанализировать, каким образом создаются институциональные структуры – в процессе переговоров, борьбы и конфликтов между действующими субъектами, или же, используя терминологию Энтони Гидденса, движущие силы надо искать в процессах «структурирования», а не в самих «структурах» (Giddens, 1979).

Поскольку при втором подходе активно действующий субъект не рассматривается в качестве фактора «структурирования», это направление было в основном представлено сторонниками структурализма, начиная с Леви-Строса (Леви-Строс, 1983; Levi-Strauss, 1966). Затем оно проникло и в другие школы, преимущественно марксистской ориентации, а также в концепцию Альтюссера и исследования в области семиотики и семиологии. Во всех этих течениях постулируется, что функционирование любого института или образцы поведения следует рассматривать как проявление некоторых законов, формирующихся на уровне глубинных структур человеческого сознания, или производительных сил, или чего-то подобного (Rossi, 1983).

К этим проблемам примыкает вопрос о постижении взаимосвязей культуры и социальной структуры. Прежде всего это относится к классической проблеме противоречия двух функций культуры – поддержания и изменения порядка. С одной стороны, культура, с присущей ей функцией трансформации, безусловно противодействует порядку. Кроме того, речь идет о зависимости культуры от социальной структуры и наоборот; то есть о взаимообусловленности культуры, социальной структуры и социального поведения. Как утверждал Ренато Розальдо (Rosaldo, 1985, 1989), трудно установить, в какой мере культура представляет собой кибернетический механизм обратной связи, регулирующий поведение и социальную структуру, а в какой предоставляет возможность выбора и творчества в использовании культурных ресурсов.

Продолжая рассуждения, можно вновь выделить два противоположных направления. Первое, объединяющее в основном структуралистов, утверждает относительно статичное, жесткое и одномерное представление о характере этой взаимосвязи, в рамках которой культура программирует действия человека или социальной организации.

Но в последние годы в общественных науках сформировался противоположный взгляд на взаимосвязь культуры и социальной структуры, а именно как на процесс практически бесконечной реконструкции и переосмысления культурных представлений и смысловых символов, идущий параллельно с изменением моделей поведения, структур, систем власти и других компонентов социальной жизни.

В крайней форме (как, например, в трудах Энн Свидлер) эта точка зрения сводится к пониманию культуры как некоего хранилища или ящика для инструментов с набором различных стратегий действия, к которым социальные деятели в зависимости от своих интересов – «материальных» или «идеальных» – прибегают в различных ситуациях (Swidler, 1986).

В 40–50-е годы во многих трудах в области классической социологии, а также в исследованиях по модернизации и становлению индустриальных обществ, был поднят комплекс смежных вопросов, касающихся проблемы развития. Наиболее существенными среди них оказались следующие: являются ли какие-либо направления изменений имплицитно присущими развитию обществ; в какой мере такие направления являются характерными для всех человеческих обществ; какую роль в развитии играют исторические обстоятельства, экологические условия, межсоциетальные связи и действующие индивиды.

II

Обсуждение указанных проблем стало составной частью сравнительно-исторических и историко-социологических исследований последних лет. Большинство из них характеризуется общностью аналитических тем, возникших в ходе недавних теоретических дискуссий, в то же время они различаются подходами к отдельным ключевым теоретическим проблемам (подробнее см.: Eisenstadt, 1987).

Во-первых, во всех трудах отвергается упрощенный эволюционный подход, и, соответственно, часто критикуются ранние концепции модернизации и конвергенции индустриальных обществ, хотя часть проблематики этих ранних работ (в особенности, такая характерная черта обществ и цивилизаций, как способность к экспансии, будь то в культурной, политической или экономической сферах), остается в поле зрения исследователей. Во-вторых, в большинстве подобных исследований не признается принятая в структурно-функциональной теории трактовка общества как «закрытой системы». В-третьих, во всех рассматриваемых трудах важным объектом макросоциологического анализа являются цивилизации и связи между ними. Предпринимаются попытки не только исследовать отдельные общества, но и дополнить этот анализ на межсоциетальном уровне изучением некоторых моделей динамического взаимодействия, проявляющегося в перемещении народов, войнах и завоеваниях территорий, столкновениях кочевых и оседлых народностей, миграциях, торговых связях, культурных и религиозных движениях. Более того, в качестве основного объекта сравнительного социологического анализа в этих работах выступают не замкнутые в себе (политические) общества, а более крупные цивилизационные общности или структуры – иудаизм, ислам, средневековая Европа. В большинстве таких исследований объяснение процессов изменения различных институциональных конструкций подразумевает сочетание антиэволюционистского подхода с пристальным вниманием к историческим, институциональным, межцивилизационным аспектам развития и анализом разнообразных исторических тенденций.

Основные теоретические или аналитические различия многочисленных трудов этого направления коренятся в трактовке отношений между культурой и обществом или, как неоднократно и вполне уместно уточнялось, в понимании «роли идей» в институциональной динамике.

III

В ходе последующего изложения мы рассмотрим выделенные выше проблемы в контексте исторического и сравнительного анализа, обратившись к изучению характерных особенностей и условий возникновения «великих», «классических» революций – Гражданской войны в Англии, Американской и Французской революций, затем Китайской и Русской и, наконец, некоторых других, в частности, Турецкой и Вьетнамской. Все они тесно связаны со становлением современного мира, современной цивилизации; так как революционные идеологии, революционные образы и движения превратились в базисные компоненты современного развития (Eisenstadt, 1978)[1].

Революции или революционные перевороты стали олицетворением «истинных» социальных изменений, а пленяющий воображение феномен революции занял центральное место в интеллектуальном, идеологическом и научном дискурсе.

Авторы многих исследований о революциях и социальных изменениях принимали как должное положение, что именно революции являются настоящим, чистым, «истинным» социальным изменением, и потому оценивали другие социальные процессы, соотнося их с неким идеальным типом революции. В этом случае специфика как «великих» революций, так и других социальных процессов зачастую оказывалась утраченной.

Поэтому в первую очередь мы попытаемся выделить специфические особенности, отличающие революции от других типов социальных перемен и, в особенности, от радикальных изменений политических режимов. Далее, мы обратимся к вечному вопросу о причинах революций и проанализируем соответствующую литературу. По ходу нашего исследования мы попытаемся выявить специфику революций, сопоставляя их с другими, в чем-то схожими видами политических и социальных изменений.

IV

Понятие «революция», несомненно, в первую очередь обозначает радикальное изменение политического строя, не сводимое только к смещению власть предержащих, идет ли речь о конкретных лицах или о правящих группировках. Революция – это ситуация, в которой все смещения и перемены, осуществляемые, как правило, насильственным путем, ведут к радикальной трансформации самих правил политической игры, символов и основ легитимности, и сочетаются с новым видением политического и социального порядка (Eisenstadt, 1978). Именно такое сочетание является отличительным признаком революции. Иными словами, революции стремятся создать (пользуясь терминологией Саида Арйомана) принципиально новые космологические представления, выработать четкую культурную и политическую программу (Arjomand, 1989).

[1] Об образе революции в общественной мысли см. работы К.Маркса о революции, а также: Landauer, 1912; Hatto, 1949, 1972; Lasky, 1970, 1976. В качестве полезных обзоров литературы о революциях можно выделить следующие работы: Wassmund, 1973, 1975; Lenk, 1973; Lindner, 1972; Meyer, 1976; Skocpol, 1979.

Однако сочетание насильственной смены строя с совершенно определенным онтологическим и политическим мировоззрением не есть исключительное явление, присущее только «великим» революциям. Ярким, хотя, быть может, и не вполне исчерпывающим примером проявления данного сочетания в ранний исторический период можно считать образование халифата Аббасидов, часто называемое Аббасидской революцией. Революции нового времени отличает сущность онтологических или космологических представлений, которыми они руководствуются; важнейшие аспекты происходящего в их рамках процесса перемен и своеобразное соотношение между моделью изменений, типом режима и институциональными структурами обществ, переживающих революции (Lasky, 1970; Eisenstadt, 1978; Seligman, 1989; Goldstone, 1983).

Во-первых, для мировоззрений современных революций был характерен акцент на проблемах равенства, справедливости, свободы и участия всего общества в политическом управлении. Все это дополнялось стержневыми идеями эпохи модернизации (такими как вера в прогресс) и требованиями широкого доступа к участию в основных органах политической власти. Во-вторых, принципиально новым оказалось соединение всех указанных тем с общей утопической идеей реконструкции общества и политической системы, не имевшей ничего общего с представлениями о наступлении тысячелетнего царства Христа, которыми вдохновлялись предшествующие движения протеста.

В-третьих, во всех современных революциях общество воспринималось как некая целостность, которую следовало с помощью политических действий переформировать в соответствии с определенными представлениями. Это также влекло за собой реконструкцию общества, включающую глубокие изменения институциональной системы, а также радикальное переструктурирование классовых и статусных отношений, уничтожающее традиционные критерии стратификации, лишающее старые высшие классы былого положения или вовсе прекращающее их существование и наделяющее относительной гегемонией новые классы – буржуазию или пролетариат.

В-четвертых, новое мировоззрение провозглашало разрыв с предшествующей историей общества, отрицало прошлое и устанавливало новое начало истории. Нарушение преемственности развития сопровождалось насилием.

В-пятых, важнейшей особенностью современных революций можно считать их универсалистское и миссионерское мировоззрение. Несмотря на то, что каждая революция устанавливала новый режим в отдельной конкретной стране, и режимы эти носили неискоренимый национальный отпечаток и активно разыгрывали карту патриотизма (особенно на более поздних этапах), – революционные идеи в той или иной степени рассматривались как всеобщие, в принципе пригодные для всего человечества. Универсализм все теснее сливался с миссионерской ориентацией, что напоминало, как показал Максайн Родинсон, распространение ислама. Как и в случае с исламом, распространение идеи осуществляли революционные армии, готовые нести ее вовне. И точно так же миссионерская ориентация не обязательно означала большую терпимость или «либерализм», но несомненно обладала бесспорными признаками универсализма (Rodinson, 1979; Europe and the Mystique of Islam, 1989).

Специфически «национальные», исконные или патриотические мотивы революции, как правило, были подчинены более общим универсалистским установкам, составлявшим стержень революционного мировоззрения, для которого нация была лишь объектом для реализации этих универсальных идей.

V

Одним из важнейших институциональных изменений явилось, как отметил Майкл Уолцер, то, что уже в ранних революциях (Английской и Французской, и в несколько ином, менее личностном смысле, в Американской) правители были отстранены от власти законным путем, а не изгнаны, сосланы или убиты (Walzer, 1974). Даже если свергнутые правители не признавали законности или легитимности этой акции, сам факт осуществления законной процедуры имеет огромное значение; он свидетельствует о серьезности попыток нового институционального обоснования принципа ответственности правителей.

Идея сама по себе была не нова. Она являлась неотъемлемой частью основных принципов Осевых цивилизаций, в ареале которых происходили современные революции (в которых, впрочем, эта идея реализовалась в значительно видоизмененном виде).

Инициированные революциями политические процессы также имеют отличительные особенности, тесно связанные с характеристиками самих революций. Первой особенностью, отмеченной Эриком Хобсбоумом (Hobsbawm, 1964), является прямое воздействие народных волнений на политическую борьбу в высших эшелонах власти.

Второй особенностью стало непрерывное взаимопереплетение различных видов политических действий (таких как восстания, движения протеста и борьба за государственную власть), которые существовали практически во всех обществах и ранее, но теперь обретали некую, пока еще хрупкую и нестабильную, единую структуру политического действия и общую идеологию. Развитие этой тенденции определялось появлением нового типа политического руководства, опирающегося на разные слои населения.

Третья, и может быть наиболее характерная, особенность политического процесса определялась ролью, которую играли автономные культурные, религиозные или интеллектуальные группы: неортодоксальные религиозные или светские объединения, подобные английским (и даже в большей степени – американским) пуританам, французским клубам интеллектуалов (чью деятельность анализировали А.Кошен и позднее Ф.Фюре: Cochin, 1924, 1979; Furet, 1970, 1981), кружкам русской интеллигенции и т.д.

Подобные группы, в значительной мере проложившие путь всему революционному политическому процессу, следует рассматривать как его ключевой элемент. Невозможно понять специфику современных революций, не учитывая значение идеологического, пропагандистского и организаторского опыта таких интеллектуальных или культурных элит. Вполне вероятно, что без них единое революционное движение не возникло бы вовсе.

Еще одной чертой революционного процесса была трансформация исходных идей и символов, особенно в движениях протеста на периферии. В большинстве случаев в роли законодателя идейной моды на

протяжении достаточно длительных периодов выступал политический центр. Иногда приверженность исходным принципам сохранялась только в центре, иногда, наоборот, центр становился местом, где заметнее всего было перерождение, иногда эти ситуации чередовались. Именно в этих процессах коренятся причины насилия и его сакрализации, что проявилось в эскалации и превозношении террора.

VI

Итак, своеобразие современных революций заключалось не только в трех характерных особенностях – мировоззрениях и политических программах, новых культурных установках, претендующих на всеобщую значимость, и особым образом развивающихся в недрах революций политических процессах, – но, скорее всего, в сочетании этих особенностей, не встречающемся, даже в зачаточной форме, в ходе других социальных трансформаций.

Может быть, это положение можно лучше всего пояснить на примере краткого анализа Реставрации Мэйдзи в Японии в 1868 г.[2] Этот радикальный переворот часто сравнивают с «великими» революциями на том основании, что он также открыл путь далеко идущим процессам социальной, экономической и политической трансформации и породил новые культурные и политические установки, которые, несмотря на все присутствовавшие в них элементы «традиционализма», обозначили коренной разрыв со старым режимом сегуната Токугава.

Вместе с тем, некоторые важнейшие особенности Реставрации Мэйдзи, – прежде всего, революционная идеология и природа инициированных политических процессов – существенно отличали ее от «великих» революций.

В политическом движении, которое сложилось накануне Реставрации, участвовало в ней и сохранялось при новом режиме в течение 20 лет, доминировали формы, типичные для модели предреволюционного периода – восстания (особенно крестьянские), движения протеста и политическая борьба в центре.

Участвовавшие в них силы ad hoc устанавливали контакты друг с другом, а также с некоторыми городскими группами и мятежными крестьянами, и тем самым подготовили почву для падения режима Токугава; однако они не стали основным элементом политического процесса Реставрации.

Как бы то ни было, довольно знаменательно, что в ходе политического процесса, обусловившего падение режима Токугава, не возникло новых моделей политической организации, в которых отдельные группы могли бы объединиться для совместных политических действий. Не было и политического руководства, способного мобилизовать разрозненные социальные силы на более целенаправленную политическую борьбу.

---

[2] О Реставрации Мэйдзи и ее предыстории см.: Норман, 1952; Akamatsu, 1972; Craig, 1961; Arnasson, 1988; Haroutounian, 1989; White, 1973, 1988; Huber, 1981; Jansen and Rosman, 1986; Jansen, 1989; Najita and Koschmann, 1982. Об итогах Реставрации Мэйдзи см.: Норман, 1952; Akamatsu, 1972; Scalapino, 1965; Fairbank et al., 1960, 1965; Dore, 1967; Ward, 1968; Lockwood, 1965; Barshay, 1980; Davis, 1978; Duus, 1976; Garon, 1986; Gluck, 1985; Smith, 1959.

В отличие от «великих» революций, в Реставрации Мэйдзи практически полностью отсутствовали политически активные автономные религиозные или светские интеллектуальные группы.

Наиболее энергично в ходе Реставрации действовали самураи, воспитанные в духе конфуцианства, и сиси (убежденные сторонники императора), но носители конфуцианского мировоззрения не составили самостоятельную группу интеллектуалов. Они действовали в границах своих социальных и политических групп, разделяя соответствующие политические взгляды, которые, в определенном смысле, были зеркальным отражением миропонимания, характерного для «великих» революций. Реставрация преподносилась как обновление устаревшей системы (в действительности никогда не существовавшей), а вовсе не как революция, направляющая социальное и политическое развитие по совершенно новому пути. В идеях Реставрации практически отсутствовали утопические элементы. Полное возвращение к императорской власти, осуществленное в ходе Реставрации, можно расценивать, пользуясь выражением Хершела Уэбба, как «утопию, опрокинутую в прошлое» (Webb, 1968). Реставрация Мэйдзи решала задачу обновления японской нации; в ее идеях не было универсалистских или миссионерских установок.

В современную эпоху аналогичные радикальные перемены произошли в таких странах, как Индия, Таиланд и Филиппины. Развитие большинства латиноамериканских стран пошло по пути, совершенно отличному от классических революций, хотя в нем, несомненно, присутствовали некоторые характерные для них черты.

VII

Чем же можно объяснить специфическое сочетание характерных особенностей классических «великих» революций? Мы подходим к анализу причин революций – одной из важнейших проблем исторической и сравнительной социологии.

В научной литературе исследовались некоторые общие типы причин, вызывающих революции. Одни исследования рассматривают условия, определяемые структурами, другие – социопсихологические предпосылки революций, третьи – специфические исторические причины.

Некоторые факторы структурного характера уже выявлены. Один из них – это ведущая к революции внутренняя борьба, которая разворачивается между основными классами предреволюционных обществ или внутри элиты, то есть между группами правящего или высшего класса[3]. Разновидностью данного подхода являются, в частности, исследования Теды Скокпола и других ученых, основывающихся на ранних работах Баррингтона Мура, в которых анализируются главным образом отношения между государством и основными социальными стратами, в особенности аристократией и крестьянством (Skocpol, 1979; Moore, 1960).

[3] Литература, посвященная анализу причин революцийслишком обширна, чтобы привести ее здесь. Хорошие обзоры можно найти в: Rossi, 1983; Stone, 1966; Kramnick, 1972; Tilly, 1973, 1975.

Другое, близкое направление, анализируя структурные факторы, подчеркивает слабость или разложение предреволюционных политических режимов, вызванные либо внутренними причинами, (например, экономического или демографического характера), либо воздействием процессов международного масштаба, таких как экономическая ситуация, войны или их последствия (Skocpol, 1979; Gillis, 1970).

В более ранних исследованиях важная роль в возникновении революционной ситуации отводилась комплексу экономических факторов или тенденций, а именно – колебаниям экономической конъюнктуры и росту инфляции, вызывающей обнищание широких слоев населения, причем не только низших, но и средних и даже высшего классов.

В некоторых марксистских исследованиях экономические предпосылки в совокупности с классовой борьбой были возведены в ранг неизбежного противоречия между старыми и нарождающимися производительными силами.

Это направление исследований часто смыкалось с другим, предлагавшим социопсихологическое объяснение причин революций. Как правило, исследователи, продолжая блестящую традицию Токвиля, первостепенное значение придавали настроениям потерянности и разочарованности, распространяющимся в обществе, когда на смену благоприятным периодам с присущим широким слоям населения высоким уровнем ожиданий, приходят тяжелые времена, порождающие широкую неудовлетворенность и растерянность, чреватые восстаниями или революционными действиями.

Таким образом, в числе наиболее значимых причин революции исследователи называли: борьбу между классами и элитами; демографический рост; внутреннюю (в основном финансовую) и внешнеполитическую слабость государства; экономическую нестабильность и социопсихологические фрустрации, сопутствующие ухудшению экономического положения.

Изучение механизма объединения этих «причин», их взаимной значимости и реального соотношения в различных революциях, должно быть и будет продолжено. Но при всей важности таких исследований, сами по себе они не дадут убедительного ответа на вопрос о «причинах» революций.

Дело не в том, что решение данной проблемы в рамках этого научного направления иногда кажется неубедительным или противоречивым. Таковы свойства любого научного поиска. Гораздо важнее то, что самих поставленных вопросов недостаточно для адекватного анализа некоторых важнейших аспектов проблемы, поскольку указанные причины характерны не только для ситуаций, предшествующих революциям. Авторы многочисленных исследований, посвященных другой теме – падению империй, – называют в качестве основных предпосылок их краха те же самые причины, но в других сочетаниях.

Тот факт, что данные предпосылки можно обнаружить во всех предреволюционных обществах, но не только в них, не должен вызывать удивления. Ведь по сути «революции» и возникают, в первую очередь, в условиях «упадка» или «распада» старых режимов, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В недавнем исследовании Джека Голдстоуна все возможные сочетания процессов, ведущих в падению режимов, представлены как следующие четыре взаимосвязанные тенденции:

«1) Усиленное давление на государственную финансовую систему, вызванное инфляцией, подрывающей национальный доход, и демографи-

ческим ростом, требующим увеличения расходов. Предпринимаемые государством попытки укрепить финансы, различными способами повышая государственные доходы, приводят к недовольству элит, крестьянства и городских потребителей, в то же время не позволяя государству предотвратить увеличение долга и вероятное банкротство.

2) Умножение конфликтов в рамках элиты, по мере того, как в условиях демографического роста и инфляции одни группы все с большим трудом сохраняют свой статус, а другие – получают возможность занять место в элите, и стремятся эту возможность реализовать. Поскольку экономическая слабость государства количественно ограничивает доступ в элиту, ее иерархическая структура и персональный состав претерпевают значительную перестройку, приводящую к расколу на конкурирующие группы, цель которых – спасти или улучшить собственное положение. Как только в результате войны или банкротства старый режим окончательно рушился, возникшие в рамках элиты группы вступали в открытую борьбу за власть.

3) Нарастание народных волнений по мере того, как борьба за землю, миграция в города, наполнение рынков рабочей силы, снижение реальных заработков и увеличение доли молодого населения усиливали мобилизационный потенциал широких народных масс. Волнения, возникавшие как в городах, так и в сельских районах, в зависимости от самостоятельности участников и ресурсов элиты, принимали различные формы – продовольственных бунтов, нападений на землевладельцев и государственных чиновников, захвата земли и урожая. Возрастание мобилизационного потенциала народных движений позволяло противостоящим группам элиты использовать действия масс в своих целях, хотя во многих случаях народные выступления имели собственные мотивы и стремления, и потому легче поддавались поощрению, чем управлению.

4) Рост популярности идей совершенствования и изменения социального порядка» (Goldstone, 1991).

Перечисленные факторы упадка или крушения имперских, имперско-феодальных или других режимов типичны и для ситуаций, чреватых революциями. Но, являясь необходимыми предпосылками революций, они не являются достаточными, ибо даже если все они налицо, специфический революционный путь низвержения политического режима возникает далеко не всегда. Для определения круга достаточных причин необходимо выйти за рамки анализа проблемы крушения режимов.

VIII

Одно из важнейших направлений исследования ведущих к революции условий состоит в изучении исторического «времени» или исторического контекста, в котором произошли революции. Все они совершились на ранних (хотя и не совпадающих хронологически) стадиях развития современного общества, в рамках модернизирующейся автократии, современных абсолютистских режимов, создавших современные национальные государства, часто бюрократического характера, и придавших мощный импульс экономической модернизации, становлению ранней системы меркантилизма и даже формированию экономики промышленного капитализма и становлению рыночной экономиче-

ской системы. Движущими силами, обусловившими падение политических режимов раннего абсолютизма, явились внутренние противоречия между традиционной монархической, полуаристократической легитимностью и новыми экономическими, культурными и идеологическими веяниями, оспаривающими эту легитимность, а также между группами–носителями новых ценностей и более традиционными группами. Идеологические или символические аспекты революций в значительной степени были порождены противоречиями в идеологическом обосновании абсолютной монархии, особенно несоответствием традиционной или полутрадиционной легитимности принципам Просвещения, несущим зерна новых культурных установок (Eisenstadt, 1978; Furet, 1981).

Но выявление сочетания этих противоречий не позволяет нам поставить точку в нашем исследовании причин революций. Далеко не везде подобные сочетания, обусловив упадок режимов в историческую эпоху ранней модернизации, вызвали революции или революционные перемены. Среди стран, не переживших на этапе ранней модернизации революционных потрясений, можно назвать Индию, Таиланд (хотя и в несколько ином плане), возможно, Алжир, большинство районов Оттоманской империи, может быть, за исключением самой Турции, поскольку установление Кемалистского режима иногда (хотя это и был верхушечный переворот) считается революцией. Другой «отрицательный» пример представляют латиноамериканские страны, где борьба за независимость не была революционной, то есть ориентированной на создание качественно нового социально-политического порядка, и где крайне слабо проявлялись основные черты революционного процесса, особенно непрерывное взаимодействие политических сил с революционной борьбой в центре (Halperin-Donghi, 1971; Malloy, 1977; Wiarda, 1974).

Наиболее интересный случай опять-таки представляет собой падение режима Токугава и Реставрация Мэйдзи в Японии.

Характерными чертами режима Токугава были: появление некоторых основных структурных особенностей и противоречий, свойственных обществам периода ранней модернизации; подъем полных энергии новых экономических групп (торговцев и крестьян); ослабление прежней «традиционной» силы – аристократии; разлад механизмов экономической политики прежнего режима. Кроме того, общество характеризовалось очень высоким образовательным уровнем населения (что вывело японское доиндустриальное общество на первое место в мире по степени грамотности), а также чрезвычайно высоким накалом политических дискуссий.

Режим Токугава был ослаблен как указанными внутренними процессами, так и воздействием внешних сил. Он также столкнулся с кризисом легитимности, имевшей, впрочем, иное идеологическое обоснование, чем предреволюционные абсолютистские режимы Европы и Китая.

IX

Заметим, что в приведенных выше рассуждениях мы еще не затронули важнейший аспект революционного процесса: речь идет о новом онтологическом мировоззрении или космологических представлениях и их носителях, в роли которых выступают автономные культурные или интеллектуальные группы, составляющие, как мы видели, костяк рево-

люционных организаций и являющиеся одним из основных источников кадров для нового политического руководства. Действительно, большинство исследователей практически не рассматривает идеологические факторы (новые идеологические воззрения, религиозные верования, идеологии и т.п.) в качестве причин революций. Как правило, даже историки немарксистской ориентации, за исключением Альбера Кошена и Франсуа Фюре, видят в них эпифеномен «глубинных» социальных процессов или как общий фон революционных потрясений (Cochin, 1979; Furet, 1981; Nahirny, 1983).

Вместе с тем, нам представляется важным понять, при каких условиях или в каких обществах феномен подобных идеологий или космологических представлений (и, соответственно, их социальных носителей), который, в отличие таких явлений как восстания, движения протеста, классовая борьба или борьба между элитами, обнаруживается не во всех обществах, приобретает решающее значение. Как правило, он характерен для совершенно специфического типа цивилизаций, называемых «Осевыми» (Eisenstadt, 1986). Этим понятием мы обозначаем цивилизации, сложившиеся в период с 500 гг. до н.э. до первых веков н.э., в рамках которых возникло и институционализировалось новое онтологическое мировоззрение, сформулировавшее концепцию фундаментального напряжения между трансцендентальным и мирским порядком. Такое миропонимание утвердилось во многих регионах мира, а именно: в древнем Израиле, несколько позднее в иудейских и христианских обществах, в древней Греции, частично – Персии (зороастризм), Китае периода древних империй, в индуистской и буддистской цивилизациях и, за пределами собственно Осевой эпохи, – в зоне влияния ислама.

Упомянутые идеи формулировались и развивались относительно новыми социальными группами, преимущественно интеллектуальными элитами, определявшими модели культурного порядка. В них входили иудейские пророки и священнослужители, греческие философы, «образованные» в Китае, индийские брахманы, буддийские сангхья, улемы в исламских странах. В своей деятельности они руководствовались идеей сотворения мира в соответствии с трансцендентальным образом или волей.

Результатом успешной институционализации трансцендентального мировоззрения стала трансформация внутренней структуры обществ и взаимосвязей между ними.

Во-первых, предельно отчетливо выделились социетальные центры и утвердилось отношение к ним как к олицетворению символического и организационного единства; одновременно возникло непрерывное взаимодействие центра и периферии. Затем произошло обособление носителей духовных традиций в группы, преимущественно культурного или религиозного характера, с ярко выраженным символическим компонентом и идеологическими критериями структурирования социальных иерархий.

В-третьих, что наиболее важно для нашего исследования, утвердился новый взгляд на соотношение политического и трансцендентального порядков. Последнее имело далеко идущие последствия. Политический порядок, являвшийся основным воплощением или остовом мирского порядка, стал восприниматься как подчиненный трансцендентальному идеалу, и значит, требовалось привести его в соответствие с предписаниями последнего. Но главное, установление этого соответствия должно было осуще-

ствляться с учетом возможности преодоления разрыва между трансцендентным и мирским порядками, то есть «спасения». Ответственность за конструирование политического порядка обычно возлагалась на правителей.

Представление о природе правителей также претерпело значительные изменения. Исчез король-бог, олицетворявший одновременно космический и земной мир, и его место занял светский правитель, в принципе подвластный неким высшим установлениям; следовательно, появилась возможность призвать правителя к ответственности перед высшей властью, будь то Бог или божественный закон. Такой подход впервые, в необычайно драматической форме, проявился в древнем Израиле в проповедях священнослужителей, и особенно в посланиях пророков. Несколько иной облик идея ответственности перед обществом и его законами приобрела на северном побережье восточного Средиземноморья, в древней Греции. Каждая цивилизация приходила к идее социальной ответственности своим путем.

В-четвертых, следует отметить появление относительно автономных основных и маргинальных элит, в основном культурных, интеллектуальных и религиозных, непрерывно соперничавших друг с другом и с политическими элитами.

Именно такие элиты в целом – и особенно религиозные и интеллектуальные (многие из которых, кроме того, были носителями утопических идей с универсалистской ориентацией), стали ядром различных неортодоксальных течений, политической борьбы и движений протеста.

X

Характерные для Осевых цивилизаций разнообразные идеологические и структурные компоненты политического процесса, в рамках соответствующих режимов дали начало совершенно новой политической динамике, обладавшей множеством признаков «великих» революций, но было бы неверно утверждать, что они предопределили сами революции.

Господствующие культурные ориентации и сущностные черты Осевых цивилизаций, определявшие политический процесс, стимулировали появление своеобразного видения нового общественного устройства с ярко выраженной утопической и универсалистской направленностью. Одновременно организационные и структурные характеристики общества создавали условия, позволяющие воплотить некоторые элементы умозрительных проектов. Разработка проектов общественного устройства и их претворение в жизнь шли рука об руку благодаря деятельности различных элит, о которых мы говорили выше (Seligman, 1989).

В государствах с имперскими или имперско-феодальными режимами сочетание указанных особенностей привело к более полному, чем в других «Осевых цивилизациях», видовому единству движений протеста, создаваемых институтов, форм реализации и идеологических основ политической борьбы и изменений в политической системе.

В некоторых экстремальных случаях, таких, например, как приход на смену династии Омейядов халифата Аббасидов, взаимодействие указанных явлений можно принять за революционные процессы (не случайно установление власти Аббасидов часто квалифицируется в научной литера-

туре как революция). Она утвердилась на волне сильного сектантско-родового движения, сыгравшего на универсалистской ориентации исламского идеала и сумевшего под знаменем этой идеологии и с учетом интересов широких слоев общества устранить Омейядов. Однако в идеологиях этих движений протеста и самого политического переворота не обнаруживаются характерные для современности черты: как правило, они были устремлены к образу прошлого, а не будущего. Они также не инициировали возникновения достаточно стабильных структур и институтов. Более правомерно рассматривать революцию Аббасидов как одну из поворотных точек халдунианских циклов исламской политической динамики (Shaban, 1970; Sharon, 1983; Gellner, 1981; Ahmed, 1979).

В то же время в политических режимах Осевых цивилизаций можно выявить целый ряд объединяющих их специфических особенностей (различающихся лишь частностями), которые отсутствовали во внешне похожих политических режимах не-Осевых цивилизаций.

Но только в эпоху ранней модернизации, когда эти идеологические и структурные компоненты совпадали, они порождали собственно революционный процесс, как мы его понимаем. Только в данном историческом контексте был достигнут уникальный синтез политического процесса, сформировавшегося в Осевых цивилизациях, и совокупности идеологических и организационных характеристик революции, благодаря которому основные элементы процесса социальной трансформации в целом, и политического процесса – в частности, приобрели революционную направленность.

В современных революциях, особенно первых – Английской, Американской и Французской – вытеснение старых идеологических, культурных и символических элементов происходило не сразу. Восстания и перевороты, нацеленные на свержение всякого рода «старых» режимов, разворачивались под традиционными идейными знаменами, которые заменялись лишь по мере того, как революционная динамика набирала силу. Однако это вовсе не значит, как предполагал Голдстоун (Goldstone, 1991), что идеология приобретает значимость только в конечной фазе революций. Сопоставление революционной динамики в Осевых и не-Осевых цивилизациях, с одной стороны, а также в Японии, в христианских обществах и Китае – с другой, показывает, что идеологические факторы в сочетании с соответствующими институтами изначально направляли развитие идеологических и политических процессов (Eisenstadt, 1986, ch. 9).

Некоторые характерные черты Реставрации Мэйдзи, отличающие ее от «великих» революций, – мировоззрение с характерными признаками «утопии, опрокинутой в прошлое»; национальная, а не универсалистская и миссионерская ориентация, – коренятся в историческом опыте Японии. Примечательно, что на протяжении всей истории Японии фундаментальные онтологические представления, присущие не-Осевым цивилизациям, сосуществовали с институциональными структурами, подобными западноевропейским (сюда относятся, например, феодальный строй и очень высокая степень самостоятельности городов). Вместе с тем, в японском обществе отсутствовали автономные религиозные или интеллектуальные группы, так как и буддийские монахи, и другие священнослужители, и конфуцианские ученые составляли малочисленные «семейные» кланы, что объясняет несущественность их роли в Реставрации Мэйдзи (Jansen, 1989; Haroutounian, 1989).

XI

Тесное сходство происходивших во многих Осевых цивилизациях политических процессов и революций, не означает (как ясно показывают примеры ряда стран Южной Азии, большинства мусульманских обществ и Индии), что в ходе модернизации революции свершились во всех Осевых цивилизациях. Чем это объясняется?

Следует принять во внимание два дополнительных фактора. Первый, касающийся в первую очередь Индии и буддийских стран Южной Азии, связан с сущностью принятого в Осевых цивилизациях основного онтологического миропонимания и особенно идеи спасения (Eisenstadt, 1986)[4]. Вторым фактором, значимым для большинства мусульманских государств (и даже для некоторых европейских), а также Индии и буддийских обществ Теравада, является сущность их политических режимов и экономической системы.

Что касается первого фактора, то здесь водораздел проходит между двумя идеями спасения – или, говоря словами Вебера, между концепциями спасения в Царстве Божием и спасения в миру. В тех цивилизациях, где господствовала идея спасения в Царстве Божием, политическая сфера оставалась внешней по отношению к проблематике спасения, и поэтому она не становилась ареной борьбы за воплощение мировоззренческих основ цивилизации или средством достижения спасения. Весьма примечательно в этой связи отсутствие религиозных войн в Индии (до наступления Осевого времени), и в буддийских странах (до наступления современной эпохи). Существовавшие в этих странах многочисленные секты и неортодоксальные группы стремились не к реконструкции политических центров, а скорее к изменению границ, установленных между основными социальными общностями[5].

XII

В тех Осевых цивилизациях, где господствовала онтологическая концепция спасения в миру или смешанная концепция, одновременно признающая спасение на Земле и в загробном мире, в различных сферах жизнедеятельности стали появляться свободные ресурсы, которые элиты могли использовать для борьбы на «посюсторонних» политических или экономических аренах. Но свободные ресурсы появлялись в условиях данных режимов далеко не всегда. Достаточно часто этому препятствовали исторические, политические или экологические условия, такие, например, как относительная изолированность от основных мировых рынков. В таких случаях проявлялась тенденция к установлению режимов с более выраженным патримониальным характером (родоплеменных или централизованных монархий).

---

[4] О некоторых основных элементах индийской политической системы см.: Dumont, 1970; Heesterman, 1957, 1985; Ingalls, 1954; Shina, 1938.

[5] О роли сектантских религиозных групп см.: Bunnag, 1973; Harper, 1964; Nach e.a., 1966; Mus, 1967, 1968; Smith, 1978, 1979; Thapar, 1978; Malik, 1973; см. также работу Rao в: Eisenstadt e.a., 1982.

Патримониальные режимы утверждались преимущественно на удаленных территориях (например, в мусульманском мире), но их можно обнаружить и там, где в ходе экспансии Осевой цивилизации христианство распространялось на относительно «недифференцированные» общества.

Что касается мусульманских обществ, то только в центре Оттоманской империи – и то в зачаточном виде, – мы обнаруживаем элементы автономного гражданского общества и соответствующий революционный потенциал (Mardin, 1969; Karpat, 1974; Lapidus, 1988a, 1988b; Kazancigil, 1991).

Вместе с тем, после возникновения первых халифатов и особенно после падения империи Аббасидов, в мусульманских обществах возникли мощные предпосылки формирования революционной идеологии, опирающейся на ислам, и начался процесс становления автономных элит, часто основанный на родовых традициях. Однако этим элитам крайне редко удавалось инициировать полноценный революционный процесс или создать революционный режим. (Lewis, 1966, 1985).

Существуют довольно значительные различия между Осевыми цивилизациями, в которых особенности патримониальной политической и экономической систем были обусловлены в основном характерными особенностями элит и выработанного ими онтологического мировоззрения, и цивилизациями, патримониальные тенденции которых определялись главным образом историческими, структурными и экологическими условиями.

В первом случае сама структура элит и господствующие установки, не препятствуя участию религиозных элит в патримониальной политической жизни, блокировали развитие социальных движений, стремившихся к реконструкции политической сферы.

Для второго типа патримониальных режимов характерна стойкая, хотя подчас и скрытая, ориентация на изменение политической системы. Благодаря этой ориентации могли возникнуть протореволюционные (как в мусульманских странах) или предреволюционные (как в России или Китае) тенденции.

Таким образом, существовала тесная избирательная связь между ориентацией Осевых цивилизаций на «посюстороннюю» (или комбинированную) идею спасения, и наличием имперских или имперско-феодальных режимов. Хотя последние чрезвычайно редко возникали вне Осевых цивилизаций, иногда происходило и такое. Наиболее показательным примером феодально-абсолютистского режима, сформировавшегося вне рамок Осевой цивилизации, опять-таки может служить Япония. Но, в отличие от феодально-имперских режимов Осевых цивилизаций, и в первую очередь, от абсолютных монархий Европы периода ранней модернизации, японское общество, как мы видели, не знало автономных религиозных или интеллектуальных групп – носителей универсалистских утопических представлений. Именно в этом состоит основное отличие Реставрации Мэйдзи от «великих» революций.

XIII

Даже при наличии одинаковых предпосылок, не всякая попытка совершить революцию заканчивалась успешно. Наиболее яркими примерами стран, где революции потерпели поражение, могут служить

Испания, Италия и Германия, а также государства Центральной Восточной Европы в 1848 г. В чем же причина этих неудач? (см.: Mann, 1968; Valentin, 1930; Schneider, 1973; Salomone, 1970; Carr, 1966).

Некоторые исследователи объясняют неудавшиеся революции преобладанием патримониальных традиций в «anciens regimes» (старых режимах) Испании, Италии и государств Восточной Европы, что обусловило относительно низкий объем свободных ресурсов и слабость автономных элит.

Но подобное объяснение нельзя признать исчерпывающим, ибо оно совершенно не применимо к Германии. Необходимо учитывать по крайней мере еще два комплекса факторов. К первому относится то простейшее обстоятельство, что любая революция начинается с гражданской войны, и исход борьбы участвующих в ней противостоящих сил зависит как от скоординированности и эффективности действий революционных групп, так и от способности правящих кругов к сопротивлению, от их самообладания и воли. Ни одно из этих условий в революционной ситуации не является константой. В некоторых случаях – к примеру, в Восточной Европе 1848 г. – попытки совершения революции потерпели провал из-за стойкого сопротивления автократических правительств и благоприятных для них международных обстоятельств – своего рода «автократического интернационализма».

Невыгодное для революции соотношение сил в Германии усиливалось разногласиями в потенциально революционном лагере, в первую очередь между приобретающей влияние буржуазией и низшими классами, которых буржуазия, напуганная опытом Французской революции, опасалась. К этому можно добавить разногласия между различными группами интеллигенции или культурными элитами, занимавшими разные позиции (особенно между «либералами» и конституционалистами, а также «патриотами»-националистами и начавшими появляться социалистами).

Вторым фактором, который надо принять во внимание, явилось отсутствие в Германии (Италии) единого государства и наличие стремления использовать национальные движения для его создания во многих слоях германского и итальянского обществ. В отличие от уже имевших национальную государственность Англии, Франции и России, в Германии и Италии цель образования единых национальных государств соперничала с революционными устремлениями. Существенно, что как в Германии, так и (в меньшей степени) в Италии, эту цель реализовывали группы и лидеры (подобные Бисмарку), тесно связанные со старым режимом.

XIV

Итак, мы завершили анализ причин или предпосылок революций. Поскольку понятие «революция» по определению равносильно понятию «падение режима», возникновение революций обусловливается теми же причинами, что и падение режимов, а именно: борьбой между элитами и классами; становлением новых социальных групп и экономических сил, лишенных доступа к власти; ослаблением режимов вследствие со-

циальных конфликтов, экономической нестабильности и негативного влияния международных факторов.

Но только когда эти процессы протекают в специфических исторических условиях, при наличии специфических мировоззренческих посылок, присущих определенным цивилизациям, господстве определенных политических режимов и особого типа экономических систем, – только тогда они могут породить причины, вызывающие революции.

Под специфическими историческими условиями мы понимаем период ранней модернизации, когда автократические модернизирующиеся режимы оказались перед лицом противоречий, связанных с их собственной легитимностью и политикой, и столкнулись с усилением влияния новых социальных слоев и «современных» идеологий.

Необходимые мировоззренческие посылки существовали в тех Осевых цивилизациях, где господствовали «посюсторонние» или смешанные концепции спасения, а под определенными политическими режимами имеются в виду имперские или феодально-имперские. Если же, по тем или иным историческим причинам, подобные режимы не возникли в указанных цивилизационных структурах, процессы изменений отклонялись от революционного курса.

Наконец, конкретные результаты развития данных процессов в значительной степени зависят от соотношения революционных и контрреволюционных сил и их сплоченности.

XV

Сочетание цивилизационных и структурных условий и исторических обстоятельств, порождающее «великие» революции, относительно редко складывалось в истории человечества. При всей их драматической значимости, такие революции, конечно же, никогда – ни в традиционную, ни в современную эпоху – не представляли собой единственный или основной, или наиболее перспективный тип изменений. Там, где существуют иные сочетания структурных и институциональных факторов, скажем, в Японии, Индии, Южной Азии или Латинской Америке, процессы изменений протекают иначе, и смена политических режимов происходит другим способом.

Эти случаи нельзя рассматривать как «неудавшиеся» потенциальные революции. К ним не следует применять критерии, используемые для анализа «великих» революций; напротив, они представляют собой иные модели социальной трансформации, не менее закономерные и наполненные смыслом, и потому их анализ должен строиться на других основаниях.

Но и в этом случае необходимо анализировать отношения между культурой и социальной структурой, историей и структурой, человеческой деятельностью и структурой, и, кроме того, соотношение двух функций культуры – поддержания и изменения порядка.

Верования и культурные представления, являясь базисными элементами социального порядка, играют ключевую роль в определении типа институциональной динамики. Верования и представления приобретают столь важное значение благодаря тому, что их содержание воплощается в базисных образцах социального взаимодействия, а именно, в совокупности регулятивных принципов, определяющих ос-

новные параметры социальных ролей. Последние были подразделены «отцами-основателями социологии» на общественное разделение труда, создание доверия (или солидарности), регулирование власти и конструирование смысла (см.: Eisenstadt and Curelaru, 1976).

Одним из важнейших процессов, обеспечивающих трансформацию верований или представлений в регулятивные принципы, является образование моделей культурного и социального порядка и регулирующих законов. Это очень напоминает веберовскую концепцию «хозяйственной этики», которая определяет характер регулирования структур конкретных социальных организаций и институциональных образований, образцов поведения и набора основных стратегий действия, соответствующих различным областям социальной жизни (Weber, 1951, 1958; Eisenstadt, 1981).

Трансформация религиозных и культурных верований в «законы» или «нормы» социального порядка осуществляется через деятельность создателей проектов социального переустройства, которые группируются в конкурирующие или сотрудничающие друг с другом элиты, и деятельность которых не ограничивается лишь сферой власти в узко политическом смысле или в как средства принуждения. Как подчеркивали наиболее искушенные марксисты, в частности, Грамши (Gramsi, 1957), трансформация имеет извращенный характер, и охватывает множество относительно автономных символических сфер, отражая разнообразные сочетания «материальных» и «идеальных» интересов. Существующие формы контроля, а также попытки элит и более широких социальных слоев изменить их, формируют классовые отношения и способы производства.

Институционализация указанных культурных представлений, осуществляющаяся через социальные процессы и механизмы контроля, равно как и их «воспроизводство» в пространстве и во времени, неизбежно порождают в обществе напряженность и конфликты, движения протеста и процессы изменений, что постоянно создает почву для пересмотра самих исходных посылок.

Таким образом, две функции культуры – поддержание порядка и изменение порядка – представляют две стороны одной медали. Но между ними вовсе нет фундаментального противоречия; обе они являются неотъемлемыми частями символической сферы социальной системы.

Потенциал изменений и трансформаций не является чем-то случайным или внешним по отношению к культуре. Он имплицитно присутствует во взаимодействии культуры и социальной структуры, представляющих собой парный элемент конструирования социального порядка. Именно потому, что символические компоненты включены в процесс конструирования и поддержания социального порядка, они тоже заключают в себе ростки социальных трансформаций.

Действительно, источники социальных изменений одинаковы для всех обществ. Но реальные формы изменений, конфигурация исходных ситуаций, многообразие ориентаций и движений протеста, способов коллективного поведения и его воздействия на общество – эти факторы значительно разнятся в различных обществах, открывая путь зачастую противоположным типам социальной и культурной динамики.

Заметим, что новые цивилизационные общности и формы социальной организации, будь то Осевые цивилизации, в конце концов трансформировавшиеся на Западе в капитализм, или великие революции, не были

обязаны своим происхождением догматам той или иной религии. Скорее напротив, они возникли из разнообразия экономических и политических тенденций, а также экологических условий, в сочетании с определенными цивилизационными посылками и специфическими институтами.

Многие исторические трансформации, имевшие всеобщий характер, и, в частности, создание принципиально новых типов институционального общественного устройства, по-видимому, были обусловлены действием факторов, перечисленных в работе Дж.Г.Марча и Дж. Олсена (March and Olsen, 1984). К ним относятся сочетание основополагающих институциональных и нормативных установлений, процессов познания и приспособления, а также способов принятия решений индивидами, определенным образом реагирующими на огромное разнообразие исторических событий.

Как показал Саид Арйоман, любая трансформация является результатом переплетения истории, структуры и культуры, соединяющихся в результате человеческой деятельности (Arjomand, 1989). Человеческая деятельность также формирует институциональные структуры, о чем свидетельствует активность государственных деятелей и деятелей культуры и их влияние на различные сферы общества. Возможности образования подобных структур заложены в некоторых всеобщих социетальных условиях, таких как степень структурной дифференциации или тип экономической системы. Но это возможности потенциального свойства, их реализация осуществляется в ходе человеческой деятельности.

Именно реальное сочетание или конфигурация указанных факторов является основным предметом сравнительного историко-социологического анализа и дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Леви-Строс К. Структурная антропология. Пер. с фр. М.: Наука, 1983 [1958].

Норман Г. Становление капиталистической Японии. Экономические и политические проблемы периода Мэйдзи. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952.

Ahmed A.S. Millenium and Charisma among Pathans. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979.

Akamatsu P. Meiji, 1868. N.Y.: Harper & Row, 1972.

Arjomand S. History, Structure and Revolution in the Shi'ite Tradition in Contemporary Iran. // International Political Science Review, April 1989, Vol. 10, N 2.

Arnasson J. Paths to Modernity – The Peculiarities of Japanese Feudalism. In: McCormack G. and Sugimoto Y. (eds.) The Japanese Trajectory: Modernization and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Barshay A.E. State and Intellectuals in Imperial Japan – The Public Man in Crisis. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1980.

Bunnag J. Buddhist Monk. Buddhist Layman: A Study of Urban Monastic Organization in Central Thailand. Cambridge: Cambridge Studies in Social Anthropology, 1973, N 6.

Carr R. Spain 1808–1939. N.Y.: Oxford University Press, 1966.

Cochin A. La Révolution et la libre pensée. P.: Plon-Nourrit, 1924.

Cochin A. L'esprit du Jacobinisme. P.: Presse Universitaire de France, 1979.

Craig A.M. Choshu in the Meiji Restoration. Cambridge: Harvard University Press, 1961.

Davis W. The Civil Theology of Inoke Tetsuriro. // Japanese Journal of Religious Studies, 1978, Vol. 5, N 3(1).

Dore R.P. (ed.). Aspects of Social Change in Modern Japan. Princeton: Princeton University Press, 1967.

Dumont L. Religion, Politics and History in India. P.-The Hague, 1970.

Duus P. The Rise of Modern Japan. Boston: Moughton Mifflin, 1976.

Eisenstadt S.N. Revolutions and the Transformation of Societies. N.Y.: Free Press, 1978.

Eisenstadt S.N. Some Observations on Structuralism in Sociology, with Special and Paradoxical Referense to Max Weber. In: Blau P.M. and Merton R.K. (eds.) Continuity in Structural Inquiry. Beverley Hills, Cal.: Sage, 1981.

Eisenstadt S.N. (ed.). The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations. Albany, N.Y.: State University of N.Y. Press, 1986.

Eisenstadt S.N. Macro-Sociology and Sociological Theory – Some New Directions. // Contemporary Sociology, September 1987, Vol. 16, N 2.

Eisenstadt S.N. and Curelaru M. The form of sociology: Paradigms and Crises. N.Y.: Wiley, 1976.

Eisenstadt S.N., Kahane R. and Shulman D. (eds.). Social Movements in India. New Delhi: Mahonar, 1982.

Europe and the Mystique of Islam. L.: I.B.Tauris, 1989.

Fairbank J.K., Reischauer E.O. (eds.). East Asia. The great tradition. Boston: Houghton Mifflin, 1960.

Fairbank J.K., Reischauer E.O. and Craug A.M. (eds.). East Asia. The Modern Transformation. Boston: Houghton Mifflin, 1965.

Furet F. French Revolution. N.Y.: Macmillan, 1970.

Furet F. Interpreting the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Garon S.C. State and Religion in Imperial Japan 1912–1945. // Journal of Japanese Studies, 1986, Vol. 12, N 2.

Gellner E. Mulsim Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Giddens A. Functionalism – après la lutte? In: Studies in Social Political Theory. L.: Hutchinson, 1979.

Gillis J.B. Political Decay and the European Revolutions, 1789–1818. // World Politics, 1970, Vol. 22, N 3.

Gluck C. Japan's Modern Myths – Ideology in the Late Meiji Period. Princeton: Princeton University Press, 1985.

Goldstone J.A. Révolutions dans l'histoire et histoire des révolutions. // Revue Française de Sociolodie, 1983.

Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley; Los Andgeles: University of California Press, 1991.

Gramsci A. The Modern Prince. L.: Lawrence & Wishart, 1957.

Halperin-Donghi T. The Aftermath of Revolution in Latin America. N.Y.: Harper & Row, Harper Torchbooks, 1971.

Haroutounian H.D. Late Tokugawa Culture and Thought. In: Jansen M.B. (ed.) The Cambridge History of Japan, Vol. 5. The Nineteenth Century. Cambridge, 1989.

Harper E.B. Religion in South Asia. Seattle, 1964.

Hatto A.T. Revolution: An Enquiry into tne Usefulness of an Historical Term. // Mind, 1949, Vol. 58, N 2322.

Hatto A.T. The Semantics of Revolution. In: Vatikiotis P.J. Revolution in the Middle East, L.: Allen & Unwin, 1972.

Heesterman J.C. The Ancien Indian Royal Consecration: The Rajasuya Described According to the Yajus Texts. P.: Mouton, 1957.

Heesterman J.C. The Inner Conflict of Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Hobsbawm E. The Age of Revolution. L.: Weidenfeld & Nicholson, 1964.

Huber T.M. The Revolutionary Origin of Modern Japan. Stanford: Stanford University Press, 1981.

Ingalls D.C.C. Authority and Law in Ancient India. // Journal of the American Oriental Society (supp.), 1954, N 74.

Jansen M.B. The Meiji Restoration. In: The Cambridge History of Japan, Vol. 5. The Nineteenth Century. Cambridge, 1989.

Jansen M.B. and Rozman G. (eds.). Japan in Transition from Tokugawa to Meiji. N.Y.: Princeton University Press, 1986.

Karpat K.H. (ed.). The Ottoman State and its Place in World History. Leiden: E.J.Brill, 1974.

Kazancigil A. Democracy in Muslim Lands – Turkey in a Comparative Perspective. // International Social Science Journal, May 1991, N 128.

Kramnick L. Reflections on Revolution: Definition and Explanation in Recent Scholarship. // History and Theory, 1972, Vol. 11, N 1.

Landauer G. Die Revolution. Frankfurt-am-Main: Rutten, 1912.

Lapidus I.M. A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1988a.

Lapidus I.M. Islam, Politics and Social Movements. Berkeley: University of California Press, 1988b.

Lasky M. The Birth of a Metaphor: On the Origins of Utopia and Revolution. // Encounter, Vol. 34, 1970, N 2; 1970, N 3.

Lasky M. Utopia and Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1976.

Lenk K. Theorie der Revolution. München: Wilhelm Fink, 1973.

Levi-Strauss C. The Savage Mind. L.: Weidenfeld & Nicholson, 1966.

Lewis B. Islamic Concepts of Revolution. In: Lewis B. Islam in History. L., 1985.

Lewis B. The Arabs in History. N.Y.: Harper & Row, 1966.

Lindner C. Theorien der Revolution. München: Wilhelm Goldmann, 1972.

Lockwood W.W. (ed.). The State and Economic Enterpreneurs in Japan. Princeton: Princeton University Press, 1965.

Malik S.C. (ed.). Dissent, Protest and Reform in Indian Civilization. Simla: India Institute of Advanced Study, 1973.

Malloy J. (ed.). Authoritarianism and Corporation in Latin America. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1977.

Mann G. The History of Germany since 1783. N.Y.; Wash.: Praeger, 1968.

March J.G. and Olsen J. The New Institutionalism: Organizational factors in Political Life. // American Political Science Review, 1984, Vol.78, N 3.

Mardin S. Power, Civil Society, and Culture in the Ottoman Empire. // Comparative Studies in Society and History, June 1969, N 11.

Meyer G.P. Revolutionstheorien Heute: Ein kritischer Бberblick in historischer Absicht. In: Wehler H.-U. (ed.) 200 Jahre amerikanische Revolution und modern Revolutionsforschung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976.

Moore B. The Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon, 1960.

Mus P. La Sociologie de Georges Gurvitch et l'Asie. // Cahiers Internationaux de Sociologie, décembre 1967, Vol. 43.

Mus P. Traditions anciennes et bouddhisme moderne. // Eranos Jarhbuch, 1968, Vol. 32.

Nahirny V.C. The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. New Brunswick; L.: Transaction Books, 1983.

Najita T. and Koschmann J.V. (eds.). Conflict in Modern Japanese History. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1982.

Nash M., Obeyesekere G., Ames H.M. et al. Anthropological Studies in Theravada Buddhism. New Haven: Yale University, Southeast Asia Studies Cultural Report Series, 1966, N 13.

Rodinson M. Marxism and the Muslim World. L.: Lend Press, 1979.

Rosaldo R. Culture and Truth. Boston: Beacon Press, 1989.

Rosaldo R. While Making Other Plans. // Southern California Law Review, 1985, N 58.

Rossi. From the Sociology of Symbols to the Sociology of Signs: Towards a Dialectical Sociology. N.Y.: Columbia University Press, 1983.

Salomone A.W. (ed.). Italy from the Risorgimento to Fascism. Garden City: Doubleday, 1970.

Scalapino R.A. Japan between Traditionalism and Democraty. In: Neumann S. (ed.) Modern Political Parties. Chicago: University of Chicago Press, 1965.

Schneider T. (ed.). Revolution der Gesellschaft. Freiburg, 1973.

Seligman A. Order and Transcendence – The Role of Utopias and the Dynamics of Civilizations. Leiden: E.J.Brill, 1989.

Shaban M.A. The Abbasid Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

Sharon M. Black Banners from the East. Jerusalem: Magnes Press, 1983.

Sinha H.N. Sovereignty in Ancient Indian Polity. L.: Luzac, 1938.

Skocpol T. State and Social Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Smith B. Religion and Legitimation of Power in Sri Lanka. Chambersburg, PA: Anima Books, 1978.

Smith B. Religion and Political Power in Thailand, Laos and Burma. Chambersburg, PA: Anima Books, 1979.

Smith T.C. The Agrarian Origins of Modern Japan. Stanford, Cal.: Stanford University Press. 1959.

Stone L. Theories of Revolution. // World Politics, 1966, Vol. 18, N 2.

Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies. // American Sociological Review, 1986, N 51.

Thapar R. Ancient Indian Social History: Some Interpretations. New Dehli, 1978.

Tilly C. Does Modernization Breed Revolution? // Comparative Politics, 1973, Vol. 5, N 3.

Tilly C. Revolutions and Collective Violence. In: Greenstein F.I. and Polsby N. (eds.) Handbook of Political Science. Readihg, Mass.: Addison-Wesley, 1975.

Valentin V. Geschichte der deutsche Revolution von 1848–1849. B.: Ullstein, 1930.

Walzer M. Regicide and Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

Ward R. (ed.). Political Development in Modern Japan. Princeton: Princeton University Press, 1968.

Wassmund H. Revolutionforschung. // Neue Politische Literatur, 1973, Vol. 18, N 4; 1975, Vol. 20, N 4.

Webb H. The Japanese Imperial Institution in the Tokugawa Period. N.Y.: Columbia University Press, 1968.

Weber M. Religion of China. Glencoe, Ill.: Free Press, 1951.

Weber M. Religion of India. Glencoe, Ill.: Free Press, 1958.

Wiarda H.J. Politics and Social Change in Latin America: The Distinct Tradition. Amherst: University of Massachusetts Press, 1974.

White J.W. State Building and Modernization: The Meiji Restauration. In: Almond G., Flanagan S. and Mundt R. (eds.) Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development. Boston: Little, Brown, 1973.

White J.W. State Growth and Popular Protest in Tokugawa Japan. // Journal of Japanese Studies, 1988, Vol. 14, N 1.